

Т.В. Надозирная, Л.А. Скубачевская

Особенности жанра

Некрасов называл свое творение «эпопеей современной крестьянской жизни», поэтому жанр «Кому на Руси жить хорошо» можно определить как поэма-эпопея. Русская литература XIX века дала две эпопеи: «Война и мир» Толстого и «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова. Специфика жанра эпопеи не в объеме, а в полноте: эпопея показывает срез жизни нации в переломный момент. «Эпопейное» состояние мира, когда народ пришел в движение, возникло в русской жизни в 1860-е годы — с отменой крепостного права и реформами.

Законы жанра эпической поэмы предъявляли особые требования к ее композиции и сюжету. Поэт избрал вполне традиционную для эпопеи форму путешествия. Сюжетную структуру «Кому на Руси жить хорошо» часто соотносят с народным эпосом (сказка о правде и кривде, былина о птицах). Однако вряд ли правомерно связывать композицию и сюжет «Кому на Руси жить хорошо» с композицией и сюжетом какого-либо отдельного произведения, будь то народный эпос или создания известных авторов. Структура поэмы Некрасова вырабатывалась в результате творческого освоения русской и мировой литературы как в фольклорных, так и в книжных ее образцах.

В поэме подчеркнута эпическое единство семи странников. В их споре не проявляется индивидуальность, характер, в нем выражены основы народного самосознания. Читатель настолько проникается представлением о единстве семи странников, что воспринимает их «коллективную речь» как нечто естественное и само собой разумеющееся. Возведенная в обращениях-вопросах героев в норму, она и воспринимается как норма читателем, подготовленным к такому пониманию устной народной поэзией.

И сами фантастические элементы «Пролога»: семь филинов на семи деревьях, молящийся черту ворон, наделенная волшебной силой птичка-пеночка, наконец, скатерть самобраная — могли бы восприниматься в реалистической поэме как наивный вымысел, как что-то контрастирующее с величием и значительностью предмета спора, если бы не несли в себе символику знакомого читателю народного эпоса. Скатерть самобраная — поэтический символ довольства и счастья, выражающий ту извечную народную думу, которая в данном случае «из домов повыжила, отбила от еды» героев Некрасова.

Фантастический элемент, так смело и свободно включенный в пролог, в общем не уводит читателя от реального мира. Фантастика в прологе совмещена с реальностью, она сильно ослаблена авторской иронией, подключающей мир фантастических образов к образам реально-бытовым, даже «низким» в своей будничной обиходности: «Чтоб армяки мужицкие / Носились, не сносились!»; «Чтоб липовые лапотки / Служили, не разбились...» Ответ пеночки на эти наиреальнейшие требования мужиков еще более оттеняет предметную основу повествования: «Все скатерть самобраная / Чинить, стирать, просушивать / Вам будет...»

В главах первой части поэмы народная жизнь представлена в более конкретных формах, чем в прологе. Появляются выразительные картины ярмарки в селе Кузьминском, колоритные сцены сельского быта, пейзажные зарисовки и т. д. Из многочисленной крестьянской толпы выделяются резко очерченные фигуры крестьян (Вавилы, Якима Нагого, «счастливые», сложный характер Ермила Гирина), показаны также помещики, чиновники, купцы. События разворачиваются в широких пространственных границах — на большой столбовой дороге, на ярмарке в храмовой праздник, на базарной площади, где собираются толпы народа, где сталкиваются различные интересы, проявляются различные характеры, где народная жизнь предстает в своей многоликости.

Поэт открывает новые способы расположения сцен и эпизодов, совершенствует искусство группировки сменяющих друг друга лиц, искусно чередует описание и повествование, вводит отдельные реплики «из толпы». Между этими отдельными репликами, как бы неожиданно прерывающими неторопливое эпическое повествование, прямо и непосредственно не связанными с ходом событий, короткими диалогами, высказываниями, поэт не устанавливает внешней логической связи. Создается ощущение, что сама по себе, без участия автора, перед нами проходит напряженная, энергичная жизнь праздничной толпы, слышатся ее голоса. Из внешне отрывочного повествования постепенно создается целостность эпического рода, в которой рельефно вырисовываются существенные особенности народного быта. Достигается это за счет того, что не всегда резко контрастируют свет и тени, подчас эти контрасты смягчены и не столь очевидны, соблюдается определенная мера, позволяющая выделить в сложном движении и группировке событий, сцен и эпизодов такие события и лица, в которых открываются коренные черты народной жизни, выделяются ее главные тенденции.

Стиль «Кому на Руси жить хорошо» имеет глубокие народные истоки и представляет собой сплав литературного языка, элементов фольклора и разговорной речи русского крестьянства. Народное поэтическое творчество и живая народная речь были для Некрасова средством проникновения в образ мысли и в чувства героев эпопеи, средством художественного воссоздания типических сторон народной жизни.

В поэтическую ткань поэмы вплетено, чаще в художественно трансформированном виде, более семидесяти народных пословиц и тридцати загадок, тексты, мотивы и фрагменты народных песен, свадебных и похоронных причитаний; в ней слышатся отзвуки былин и народных легенд, завязка сюжета непосредственно связана с использованием сказочных мотивов. Рисуя народный быт, раскрывая основы крестьянского мироздания, Некрасов часто упоминает и о бытовавших в народе обычаях, приметах и поверьях, иногда даже указывая на это читателю в подстрочных примечаниях к тексту.

Связь поэмы «Кому на Руси жить хорошо» с фольклором не исчерпывается использованием в ней отдельных фольклорных жанров. В основе всей образно-эмоциональной системы некрасовского произведения лежат законы народной поэтики. Это проявляется и в характере изобразительных средств, особенно сравнений, и в ритмической организации стиха.

Опираясь на меткую образную народную речь не только в ее устно-поэтической, но и в живой, разговорно-бытовой форме, Некрасов широко вводит в поэму просторечную лексику, народные речевые обороты, фразеологизмы, что придает произведению неповторимый национально-самобытный колорит. Но еще большую роль в создании этого колорита играет умелое использование Некрасовым в ритмо-мелодических целях некоторых морфологических и фонетических особенностей северно-русских говоров, в частности пристрастия к употреблению уменьшительно-ласкательных суффиксальных форм, придающих речи напевность и мягкость.

Некрасов сказал однажды, что свою поэму он собирал двадцать лет «по словечку». Некрасовские «словечки» таковы, что их действительно нужно было собрать, подслушать у народа. Это словечки со своей «биографией» — почти каждое впитало многовековой опыт народной жизни, так что поэма оказалась как бы произведением не одного поэта, но и народа в целом, не просто рассказывала о народе, но «говорила народом». Слово поэта становилось словом самого народа, подкреплялось всей его силой. Таким образом, поэма написана как бы сквозь народное мироощущение (причем сам поэт может быть не всегда солидарным с этим мироощущением — например, ему бы хотелось, чтоб в крестьянских избах на стенах висели не портреты представителей, толстых генералов, а портреты Белинского и Гоголя). Общенародное дело становится основой эпического действия в поэме. Перед читателем проходит вся народная Русь. В семи мужиках, спорящих о проблеме человеческого счастья, подчеркивается обобщающее, хоровое начало; Яким Нагой, Ермил Гирин, Матрена Тимофеевна, староста Влас и многие другие герои воплощают

в себе различные грани единого народного характера, его сущность. Каждая часть оставшейся незавершенной поэмы может быть самостоятельной, но вместе с тем все они связаны единством мотива и действия — поисками счастливого на Руси.